

Активистка Greenpeace Ана Паула Алминьяна Масьел в ноябре 2013 года первой среди членов экипажа судна Arctic Sunrise вышла из санкт-петербургского СИЗО под залог в два миллиона рублей. Фото: Дмитрий Шаров / Greenpeace

22.10.2014, 02:40 Москва

СТАТЬИ

Свобода за деньги

ОВД-Инфо продолжает рассказывать про альтернативные меры пресечения для фигурантов уголовных дел.

*В прошлый раз мы писали про применение **домашнего ареста**, а на этот раз изучили ситуацию с освобождением под залог — самой мягкой мерой из утверждаемых судом, которая, по российским законам, не ограничивает человека ни в передвижении, ни в коммуникациях. О том, что такое залог и почему российские суды прибегают к нему только в исключительных случаях — читайте в материале ОВД-Инфо.*

Весной 2010 года по инициативе президента Дмитрия Медведева был рассмотрен, а затем и принят так называемый первый пакет по либерализации уголовного законодательства, направленный на предоставление большей защиты для подозреваемых и обвиняемых по экономическим делам. Среди прочего закон был направлен на стимулирование более широкого применения такой меры пресечения, как залог.

Правила применения залога в России описаны в [статье 106](#) Уголовно-процессуального кодекса (для административно задержанных возможность освобождения под залог не предусмотрена). Решение об освобождении под залог принимает суд, он же решает, какой будет размер залога. Предполагается, что суд учтет как характер преступления, так и сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, а также имущественное положение выплачивающего залог и то, насколько возможно для него совершить преступление или скрыться.

Формально инициатором может выступить любая из сторон: не только защита, но также следователь или прокурор или же сам судья, если он отказался удовлетворять ходатайство о заключении под стражу (часть 7.1 [статьи 108](#) УПК). Освобождение под залог может происходить как на стадии досудебного следствия, так и позже, во время судебного производства. В первом случае деньги передаются в орган, занимающийся уголовным делом, во втором — непосредственно в суд. При этом вносить их должен не обязательно сам подозреваемый или обвиняемый — это может сделать любой человек или организация. Если уголовное дело закрывается или по нему выносится приговор, залог возвращается, если же находящийся под следствием нарушил взятые на себя обязательства (например, не пришел вовремя на допрос), эта сумма передается государству.

Залог воспринимается как прогрессивная, гуманная альтернатива заключению под стражу. «Есть презумпция невиновности: человек, находящийся под следствием или под судом, не виновен, — рассказывает адвокат Сергей Голубок. — И под стражей, согласно Европейской конвенции по правам человека, он должен содержаться только тогда, когда это абсолютно необходимо: если он своими действиями может оказать воздействие на следствие, либо помешать следствию, либо сбежать.

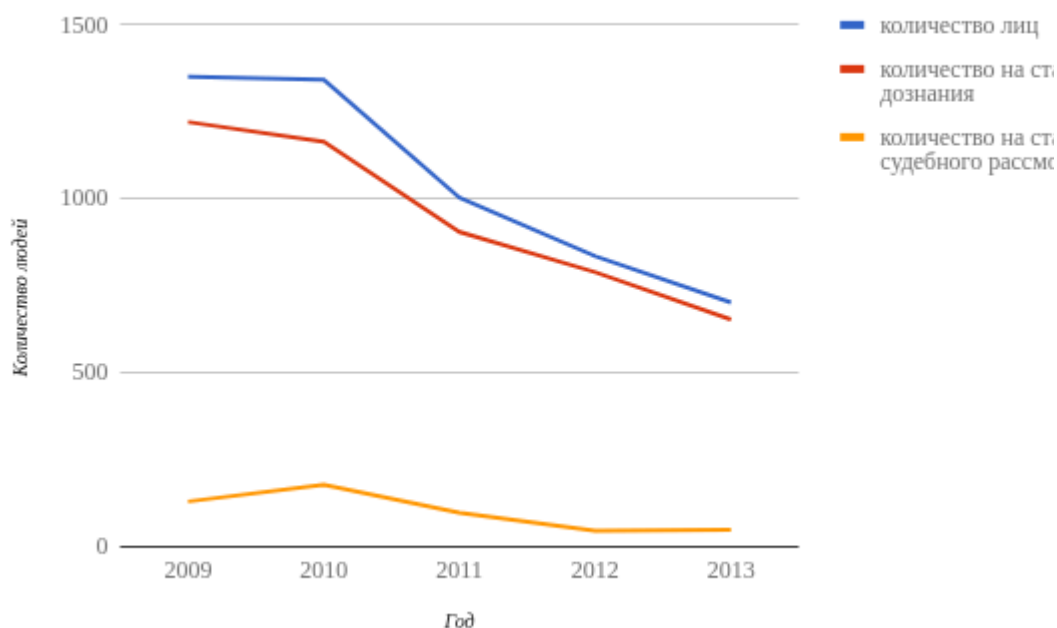
Если этому подтверждений нет, то тогда он должен находиться в условиях, которые, с одной стороны, обеспечивают его явку к следователю и в суд, а с другой, минимально ограничивают его права. Залог — это подходящая мера пресечения. **Домашние зоключения** Против, наверное, есть аргументы, что это определенная дискриминация по имущественному признаку, но для этого у суда есть возможность варьировать размер залога, устанавливая его в зависимости от имущественных возможностей лица, в отношении которого залог назначается». Тот факт, что в США и европейских странах к залогу прибегают несопоставимо чаще, чем в России, адвокат Дмитрий Динзе объясняет различиями в системе правосудия в целом: «У нас система правосудия строится на карательных принципах, не на либерализме, не на гуманности и отношении к человеку, а больше на репрессивных основах. Репрессивная основа действует в рамках мер пресечения. За границей предпочитают наказывать нерадивых людей рублем, нежели их сажать в тюрьму, потому что государство печется о своих гражданах и не желает плодить тюрьмы, не желает содержать людей, которые совершили преступления. Пусть они лучше заплатят определенные деньги и не будут сидеть в тюрьме, а государство не будет нести какие-либо расходы в отношении этих людей».

Впрочем, до конца не устоялась практика применения залога и в других странах, где эту меру в последние годы нередко критикуют как несправедливую и дискриминационную по отношению к малоимущим. В США, где залог применяется не только в уголовных делах, исследования процессов по административным правонарушениям **показали**, что люди, которым удается выплатить залог, впоследствии, как правило, избегают тюрьмы, а с большой вероятностью — и обвинительного приговора. Исследователи объясняют это тем, что

человека, находящегося в заключении, проще заставить дать признательные показания, а также тем, что ему в целом сложнее противостоять обвинению. Чтобы сделать правосудие более доступным и справедливым, предлагается вводить в употребление выплату залога не только наличными, но и освобождение под залог недвижимости или другие типы страхования, а также в целом в большей степени индивидуализировать условия освобождения, чтобы они соответствовали экономическому положению залогодателя. Создаются и специальные фонды, которые, в случае нетяжелых преступлений, могут предоставлять залог для неимущих.

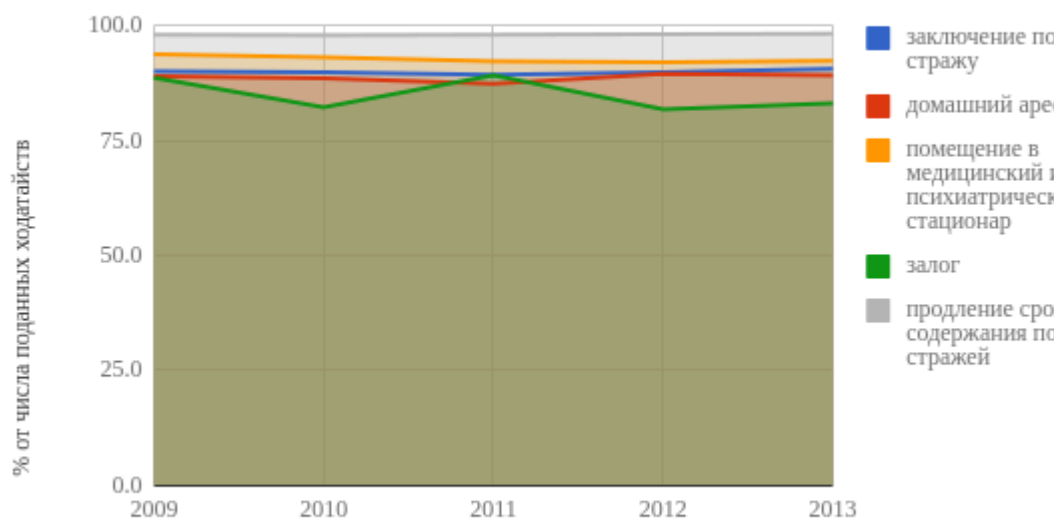
В России, даже несмотря на заявленный политический курс, залог применяется только в исключительных случаях. Более того, из судебных отчетов видно, что с 2009 года число людей, отпущенных под залог, сократилось почти вдвое: с 1351 до 702 в 2013 году. Одновременно суды практически прекратили освобождать под залог обвиняемых на стадии судебного рассмотрения: если в 2010–2011 годах на них приходилось около 20% всех залогов, то в 2012–2013 годах — только около 7%.

Освобождение под залог в России (2009 - 2013 гг.)

Связано это, во-первых, с тем, что подозреваемого или обвиняемого вообще крайне редко предлагают отпустить под залог: по статистике Судебного департамента Верховного суда, в 2013 году российские суды рассмотрели всего 238 таких ходатайств, что составляет менее 0,2% от общего числа ходатайств об избрании меры пресечения. Во-вторых, суды реже удовлетворяют такие ходатайства: в 2013 году в официальной статистике значится 198 таких случаев, то есть удовлетворено было 83% из ходатайств о залоге, при одобрении 89–92% ходатайств по другим мерам пресечения. В результате из числа всех удовлетворенных за год ходатайств о мере пресечения решения об освобождении под залог составили чуть больше 0,1%. Гораздо охотнее суды заключают подозреваемых и обвиняемых под стражу: из удовлетворенных за год ходатайств на эту меру приходится почти 92,7%.

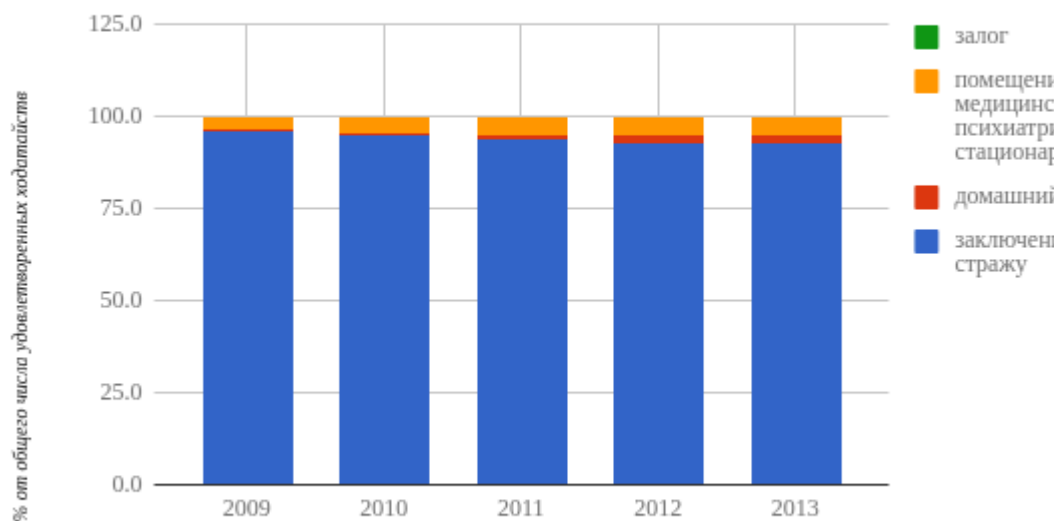
Доля положительных решений судов по мерам пресечения

Интересно, что хотя относительное количество удовлетворенных ходатайств о заключении под стражу за последние пять лет снизилось примерно на три процента, происходило это за счет помещения находящихся под следствием в больницы (в том числе и психиатрические) и применения домашнего ареста: с 2009 года их число возросло, соответственно,

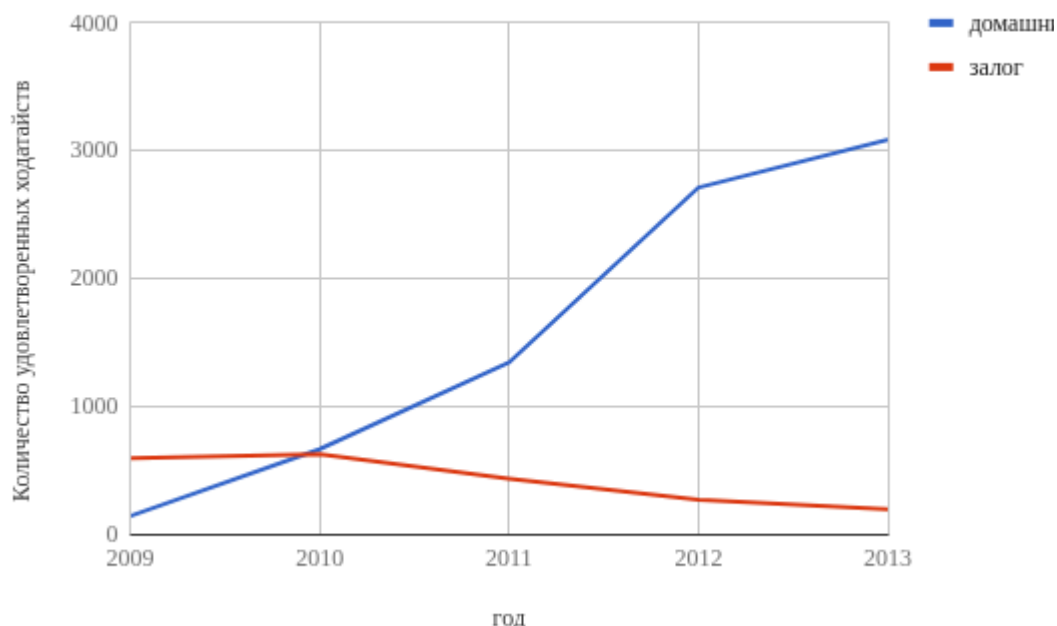
с 3,3 до 5% и с 0,1 до 2,1%. Между тем ходатайства о применении залога, и так крайне редкие, в 2009–2011 годах, составляли 0,3–0,4%, а в 2012–2013 году их число только сократилось.

Применение мер пресечения по годам

Таким образом, из двух сравнительно мягких мер пресечения за последние годы чаще начали подавать ходатайства только о домашнем аресте, в то время как залог, даже чуть более распространенный в 2009 году, только сдавал свои позиции.

Применение домашних арестов и освобождения под залог в России в 2009-2013 годах

Освобождение под залог — самая мягкая из всех мер пресечения, устанавливаемых судом. Находясь под залогом, фигурант дела практически не ограничен в перемещениях. Кроме того, в штатном режиме мера пресечения, как правило, не меняется до суда — в случае с залогом этому способствует еще и то, что в УПК не прописана процедура его отмены для избрания другой меры. Именно страхом суда перед тем, что фигурант дела может скрыться, объясняет редкое применение залога Сергей Голубок: «Залог сам по себе как мера пресечения не позволяет вводить дополнительные ограничения в отношении лиц, которые освобождены под залог, то есть, например, если есть мера пресечения — залог, то не может быть домашнего ареста, не может быть подписки о невыезде. И в этих условиях фактически единственное обеспечение — это деньги. Наверное, имело бы смысл, чтобы суды активнее это применяли, позволить комбинировать залог с элементами других мер пресечения. Например, чтобы залог включал в себя элементы подписки о невыезде. Это должно быть не только внесение денег, но и какие-то дополнительные условия, которые позволят суду убедиться в том, что лицо будет являться, никуда не скроется, ни на кого не окажет воздействие, может, это могут быть какие-то моменты из домашнего ареста, связанные с ограничением коммуникаций. Чтобы суды не боялись эту меру пресечения применять, чтобы у судов была возможность кроме денежных ограничений указывать и еще какие-то другие ограничения».

Тем более ни следователи, ни судьи не хотят брать на себя ответственность, отпуская под залог подозреваемого в насильственном преступлении, подчеркивает Динзе. По его словам, на залог могут рассчитывать фигуранты дел в сфере экономической деятельности, особенно если речь идет о преступлении средней тяжести. Впрочем, как отмечает Голубок, российские суды иногда избирают или

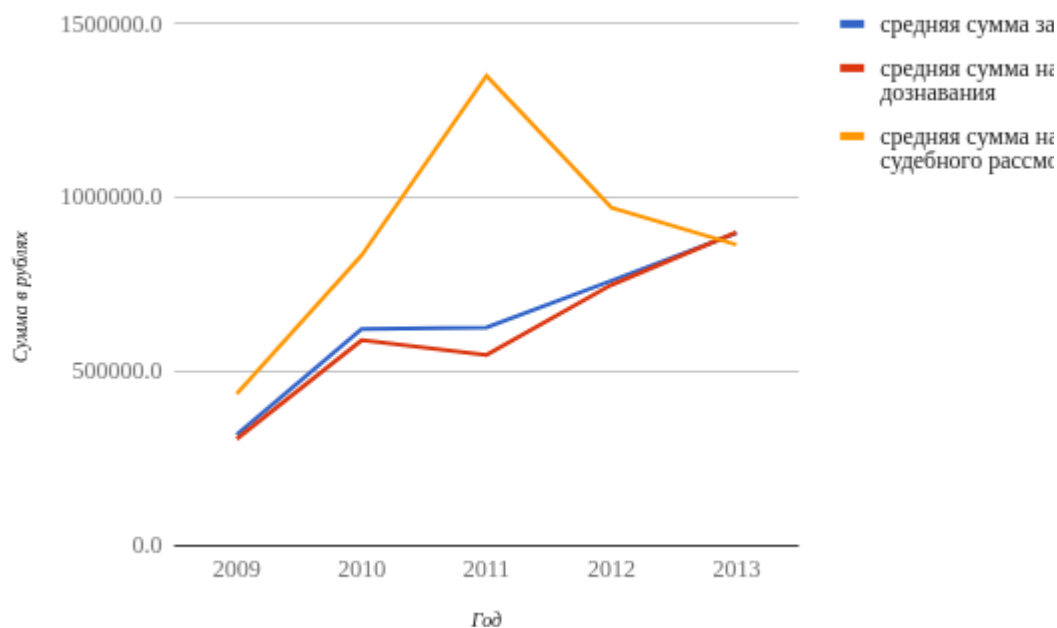
не избирают эту меру пресечения «совершенно непредсказуемо».

Тем не менее низкую популярность залога в России едва ли можно объяснить исключительно большими рисками такой меры пресечения. Напротив, случаи нарушений со стороны обвиняемых и подозреваемых, освобожденных под залог, имеют единичный характер: в пользу государства ежегодно обращается всего 3–4% залогов.

Законодатели, в свою очередь, объясняют непопулярность залога слишком высокими суммами. Авторы сопроводительной записки к закону, внесенному в Госдуму летом 2013 года, **отмечали**: «В последние годы наметилась устойчивая тенденция значительного снижения количества ходатайств об избрании меры пресечения в виде залога. Одной из причин такого положения является отсутствие у подозреваемого (обвиняемого) денежных средств и иного имущества, достаточных для внесения минимального размера залога. Вследствие этого по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести залог не может рассматриваться в качестве альтернативы такой мере пресечения, как заключение под стражу».

Действительно, средняя сумма залога резко возросла в 2010 году и с тех пор постоянно увеличивалась, так что в 2013 она превосходила уровень 2009 года почти втрое (898 тысяч рублей по сравнению с 319).

Средний размер залога в России (2009 – 2013 гг.)

В законе прописаны минимальные суммы: для уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям нижний предел составляет пятьсот тысяч рублей, а по преступлениям небольшой и средней тяжести в июне 2014 года он **был сокращен** со ста до пятидесяти тысяч. По словам Сергея Голубка, вынося решение о размере залога, суд всегда отталкивается от суммы, предложенной защитой и залогодателем, соглашаясь с ней или увеличивая.

Максимальный размер залога в УПК не оговорен. В ноябре 2011 года, накануне парламентских выборов, депутаты пятого созыва Думы, ссылаясь на тенденцию по гуманизации уголовного законодательства, **предложили** установить этот предел, чтобы «ограничить возможность сногшибательных цифр». Предполагалось ввести верхнюю планку в пять миллионов рублей для более легких преступлений и в пятнадцать миллионов рублей — для более тяжелых, однако инициатива так и осталась на бумаге. Впрочем, как отмечает Дмитрий Динзе, ограничение предельной суммы залога может привести к обратному результату: судьи начнут ориентироваться именно на установленный высокий уровень, что противоречит интересам стороны защиты. Другой аргумент против определения верхней границы залога

приводит Сергей Голубок: «Граждане имеют совершенно разное отношение к одинаковой сумме денег, для кого-то нынешняя минимальная сумма залога абсолютно неподъемная, для кого-то это просто копейки».

Отчасти применение залога ограничивают сопряженные с этой мерой технические трудности — например, по словам адвокатов, российские суды на практике принимают в качестве залога только деньги (хотя по УПК это могут быть также ценные бумаги, ценности или недвижимость), — но ни одна из них не является непреодолимой. По словам адвоката Дмитрия Динзе, схема, четко проговоренная в постановлении Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 года, «реализуется элементарно». «Неоднократно к моим подзащитным применяли залоговые меры, и если применять залог, человек буквально в течение двух-трех дней выходит под залог из тюрьмы, это все делается очень просто. Конструкция обычная, никаких подводных камней, либо нереализуемых условий там нет», — утверждает адвокат. По его словам, не возникает проблем и с процедурой возврата залога.

Напротив, сложнее оказывается обратить залог в доход государства: следовательно, обращающийся к суду с таким ходатайством, должен доказать факт нарушения на полноценном судебном заседании с возможностью апелляции. Тем не менее практика применения залога может оказаться некомфортной как для фигуранта дела, рискующего потерять всю сумму из-за незначительного и ненамеренного нарушения, так и для суда, который не может контролировать действия предполагаемого преступника. «Обязательство одно — являться по вызову следователя и суда. И этот вызов может быть довольно неожиданным», — рассказывает адвокат Сергей Голубок. — Единственная гарантия — это то, что обращение залога в доход государства осуществляется судом, и суд должен вроде бы в этом случае проверить, насколько обязательство, которую не исполнил обвиняемый, находящийся под этой

мерой пресечения, вообще была реально исполнима. Здесь, наверное, следует конкретизировать процедуру уведомления со стороны следователя о вызовах на допрос, о вызовах для производства следственных действий таким образом, чтобы можно было четко понять, выполнены обязанности по залогоу или нет. Было бы хорошо, чтобы суд, назначая залог, конкретизировал, например, что такой-то телефон обвиняемого, находящегося под залогом, должен всегда работать, он должен на него всегда отвечать и отвечать на вопросы следователя по этому телефону, принимать от следователя сообщения о необходимости явки на следственные действия. Потому что очень часто следователи делают уведомление о следственных действиях как-нибудь по почте, телеграммой, на другой адрес, который формально, может быть, и является адресом обвиняемого, но по которому он эту информацию не способен получить, потому что опять же залог его в этом не ограничивает — он может уехать, скажем, в другой регион. И, наверное, было бы правильнее суду, который залог назначает и который контролирует, насколько эта мера пресечения исполняется, указывать в постановлении об избрании этой меры пресечения конкретные условия выполнения обязанностей, которые у обвиняемого по закону есть, в частности, связи со следователем и судом. То, что в Америке называется „bail conditions“ — то, что человек, освобожденный под залог, обязан делать. Сейчас этого нет, что вызывает неудобства, а может приводить к злоупотреблениям с обеих сторон. И тормозит суды в применении этой гуманной меры пресечения».

»Залог это хорошо, цивилизованно и должно чаще использоваться, — говорит Голубок, — Я думаю, что нужно развивать этот институт и развивать эту меру пресечения максимально. Можно на нее воздействовать решениями Европейского суда по правам человека, который признает излишнее содержание под стражей нарушающим

международные обязательства. Залог, в отличие от домашнего ареста, как раз не ограничивает право на свободу и личную неприкосновенность, и проблем никаких нет. Можно воздействовать усовершенствованием законодательства, в частности, в части возможности суду предъявлять дополнительные условия при избрании залога».

Впрочем, надежды на законодательные меры, направленные на создание цивилизованной системы правосудия, сейчас кажутся чересчур оптимистичными. Более реальными они казались в 2011 году, когда более гуманных мер требовал от судов глава государства: «Это набор неких стереотипов, которые присутствуют в уголовной практике, когда судьи боятся применять альтернативные меры пресечения, полагая, что нужно действовать, исходя из прежних жестких консервативных правил», — заявлял президент Дмитрий Медведев на встрече с сенаторами. С тех пор инициированная Медведевым программа по гуманизации уголовного правосудия и тюремной системы так и не была реализована, очередные ее этапы уже в 2013 году были отложены на неопределенный срок. Хотя к разговорам о необходимости борьбы с катастрофическим переполнением СИЗО Кремль время от времени возвращается и на протяжении третьего президентского срока Владимира Путина (так, необходимость сокращения минимального размера залога в июне 2014 года в Кремле **объясняли** тем, что это «расширит возможность для суда по применению залога в качестве меры пресечения, что в свою очередь позволит снизить количество заключений под стражу»), юристы отмечают постепенный отход от подобной «либеральной лирики»: по словам Динзе, ужесточается наказание по многим статьям уголовного кодекса, и в соответствии с ужесточением системы как таковой работает и «карательная машина» на всех уровнях.

«Следователи и прокурорские работники, Следственный комитет, ФСБ — все сейчас направлены на то, чтобы людей сажать, — утверждает адвокат. — Во-первых, это упрощает работу, это является рычагом давления — менять показания людей, каким-либо образом воздействовать на показания, которые они дают в ходе предварительного следствия. Это метод воздействия: если человек все рассказывает, то можно его потом и под залог выпустить. Залог — это как такая конфета или леденец, смягчающая норма, к которой должно стремиться лицо, которое оказалось в области уголовного судопроизводства и было посажено в тюрьму».